ДЕКАБРЬ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотъ*).

Германіи онъ закончится торжествомъ народнаго правленія. Теперь и народное представительство въ Германіи заражено имперіализмомъ, но здѣсь въ этихъ условіяхъ этотъ угаръ не можетъ быть долговѣчнымъ. И въ Германіи, этомъ покамѣстъ плацдармѣ международнаго имперіализма, въ 1908 году произошло событіе, подготовляющее его паденіе.

Объ имперіализмѣ въ Соединенныхъ Штатахъ я подробнѣе писалъ въ прошлой книжкѣ «Русскаго Богатства», а здѣсь позволительно прибавить, что американскій матеріализмъ распространяетъ свои притязанія на Америку и Тихій Океанъ, при чемъ для Тихаго Океана стремится упрочить statu quo. Въ этихъ предѣлахъ конфликтъ съ Европою почти невѣроятенъ, а конфликтъ съ Японіей, повидимому, устраненъ. Что касается будущаго, то, конечно, американскій народъ рано или поздно прогонитъ отъ власти своихъ плутократовъ, а съ этимъ исчезнетъ имперіализмъ.

Таковъ общій строй отношеній и событій, какъ они сложились къ началу 1909 года, которому пожелаемъ проявить новое творчество въ направленіи, уже намѣченномъ первыми годами XX вѣка. И да отведется въ этомъ свѣтломъ творчествѣ нѣсколько вниманія и нашей многострадальной родинѣ! Когда она «широкую ясную грудью дорогу проложить себѣ», тогда легче и свѣтлѣе станетъ всему человѣчеству...

С. Южаковъ.

Новыя книги.

Г. Василевскій. — Интеллигентная колонія Криница. Къ исторіи исканій общественныхъ формъ идеальной жизни.—Книгоиздат. «Посѣвъ». Спб. 1908.

Колонія Криница представляетъ явленіе чрезвычайно интересное и во многихъ отношеніяхъ поучительное. Вызванная къ жизни настроеніемъ, очень близкимъ къ «толстовству», она оказалась гораздо устойчивѣе чисто толстовскихъ колоній, возникавшихъ и лопавшихся, какъ пузыри. Основанная (какъ продолженіе перваго опыта, сдѣланнаго ранѣе въ Уфимской губерніи) въ 1886 году на Черноморскомъ побережіи, она продержалась до нашихъ дней и, быть можетъ, переживъ тяжелый кризисъ, въ которомъ очутилась въ настоящее время, вынесетъ изъ крушенія нѣкоторые обломки, которые попытается пронести въ измѣненномъ видѣ и дальше. Уже эта сравнительная устойчивость даетъ этому эпизоду изъ «исканій общественныхъ формъ идеальной жизни» право на вниманіе и пристальное изученіе ея исторіи.

Книга г-на Василевскаго, «составленная на основаніи матеріаловъ изъ архива Криницы, куда вошли годовые и мѣсячные отчеты, общественныя и частные дневники, доклады, записки и т. д.», представляетъ поэтому значительный интересъ, какъ первая, кажется, попытка дать сколько-нибудь связную исторію Криницы на основаніи первоисточниковъ. Незьзя сказать, чтобы работа г-на Василевскаго имѣла исчерпывающее значеніе, но въ ней все-таки въ значительной степени отразилась внутренняя эволюція колоніи, являющаяся поучительной страничкой изъ исторіи и психологіи русскихъ исканій. Г-нъ Василевскій, самъ участвовавшій въ колоніи, развертываетъ передъ нами тѣ стремленія и задачи, съ которыми основатели колоніи приступали къ своему дѣлу и на которыя ушла ихъ жизнь. Любопытно, что въ этомъ отношеніи, пройдя цѣлый кругъ, первоначальная идея обратилась, какъ теперь принято выражаться,—въ свою противоположность. Первоначальною цѣлью піонеровъ было «самоусовершенствованіе личности» въ направленіи полнаго ея освобожденія. «Борьбу съ общественнымъ зломъ,—говорили они,—нужно направить по пути развитія высшихъ сторонъ человѣческой природы. Нужно дать возможность *индивидууму* проявить все богатство и разнообразіе его жизни, но только не въ слѣпой игрѣ его эгоизма и страстей, а и въ творчествѣ его нравственнаго сознанія» (стр. 28). Этому мѣшаютъ путы, налагаемыя на личность старымъ обществомъ. «Главная изъ этихъ силъ, тяготѣющая надъ отдѣльнымъ лицомъ, выражается въ абсолютныхъ утвержденіяхъ истины. Любая религіозная система зиждется на обладаніи всей полнотой абсолютизма. Это обладаніе обыкновенно производитъ давящее, угнетающее дѣйствіе на человѣка, на органическій самобытный ростъ его «я» и развитіе его нравственнаго сознанія: косность религій съ незыблемостью ихъ догматовъ носитъ элементы умственной и нравственной инерціи, а въ дальнѣйшемъ развитіи даже смерть». Не безгрѣшны въ этомъ отношеніи «и философскія системы; своимъ голымъ принципіализмомъ и формализмомъ онѣ также задерживаютъ ростъ личности». Такимъ образомъ между двумя, такъ сказать, полюсами русской жизни—мертвящей оффиціальной вѣрой и государствомъ, съ одной стороны, и философско-общественными системами и стремленіями оппозиціонныхъ слоевъ русскаго общества, выступавшаго на борьбу съ ними, съ другой—предполагалось выбрать свой особенный путь, положить гдѣ-то внѣ предѣловъ этой борьбы, на какой-то особенной нейтральной почвѣ основаніе новаго общества, заложить первую его ячейку, которая, размножаясь изъ себя, своего рода почкованіемъ, должна была охватить затѣмъ все общество. Маленькій рай за предѣлами огромной жизненной битвы, ни съ кѣмъ не воюя и не становясь ни на чью сторону, долженъ былъ заражать своимъ примѣромъ и вести къ тому, что со временемъ и всѣ борющіеся переходили бы на эту нейтральную почву труда и сво-

наблюденія г. Васюкова почти всякой цѣнности—это отсутствіе устойчивой точки зрѣнія, вызывающее разнорѣчія въ оцѣнкѣ явленій и необъяснимые скачки собственныхъ настроеній автора. И это очень жаль, потому что, повторяемъ, край мало изученъ, но очень интересенъ, и въ условіяхъ его жизни не мало поучительнаго и своеобразнаго.

10-ый томъ произведеній В. А. Карповой-Монгирдъ (пис. подъ псевд. Сергѣй Роміасъ). **Моей Родинѣ.** Москва. 1908.

Первый томъ произведеній г-жи Монгирдъ, «пис. подъ псевдонимомъ Сергѣй Роміасъ», появился въ концѣ 1897 года. Рецензія объ этомъ первомъ томѣ, носившемъ заглавіе «Деревня нашего времени», была помѣщена въ январской книжкѣ нашего журнала за 1898 годъ. Отзывъ былъ довольно суровъ. Если рецензентъ имѣлъ въ виду предостеречь г-жу Монгирдъ-Роміаса отъ дальнѣйшихъ попытокъ этого рода, для коихъ, по его мнѣнію, у нея не было данныхъ,—то разсчетъ оказался ошибоченъ: г-жа Монгирдъ-Роміасъ съ тѣхъ поръ издала цѣлыхъ десять томовъ своихъ произведеній, употребивъ на это, какъ говоритъ сама, послѣднія средства. Десятый томъ носитъ названіе: «Моей Родинѣ» и представляетъ настоящую апелляцію писательницы къ обществу на прессу и... читателей за то, что журналы не желаютъ печатать ея произведеній, критика не желаетъ ихъ хвалить и вслѣдствіе этого (какъ думаетъ г-жа Монгирдъ) читатели не желаютъ покупать. Рецензенты могутъ сколько угодно приписывать эту неудачу отсутствію у автора таланта и серьезныхъ идей,—авторъ съ этимъ рѣшительно не согласенъ.

По совершенно искреннему убѣжденію г-жи Монгирдъ-Карповой, подкрѣпляемому, во-первыхъ, отзывомъ ея супруга (стр. 187), а во-вторыхъ, нѣкоторыхъ ея знакомыхъ, она теперь—«единый истинный писатель въ Россіи», «неизмѣримо выше многихъ и многихъ писателей, выше и Достоевскаго» (стр. 178). Л. Н. Толстой давно исписался, послѣднія его произведенія, не исключая и «Воскресенія», никуда не годятся. Чеховъ («недавно умершій писатель Ч.») изображалъ все какихъ-то кисляевъ и вообще «этотъ раздражительный писатель», въ которомъ было что-то «невыразимо мизерное» (стр. 247), только «дрябловатилъ русское общество». «Гг. Горькій и Короленко стоятъ за то (!), чтобы грѣшить, чтобы каяться, а каяться, чтобы спастись» (стр. 222). Впрочемъ, обо всѣхъ этихъ Горькихъ, Андреевыхъ, Короленкахъ, Маминыхъ-Сибирякахъ, Боборыкиныхъ и говорить бы не стоило, если-бы не одно особенное обстоятельство: всѣ они только тѣмъ и держатся, что «воруютъ» идеи и образы г-жи Монгирдъ и выдаютъ ихъ за свои. По какому-то адскому соглашенію, ихъ въ этомъ поддерживаетъ вся пресса. Примѣровъ опредѣленныхъ позаимствованій г-жа Монгирдъ (по крайней мѣрѣ, въ 10-мъ томѣ) не приводитъ,

но въ ея страстныхъ репликахъ по адресу «идоловъ-удавовъ» звучитъ, повидимому, глубокое убѣжденіе. «Вы десять лѣт *),—пишетъ г-жа Монгирдъ,—наживались моими трудами, черпали и черпали из нихъ матеріал. Я с вами ни с кѣм в соглашеніе не входила, дозволенія на мародерство не давала, напротив в печати же за мародерство бичевала и заявляла, что так как вы сговорились матеріально меня утопить, то и не смѣйте брать у меня ни единаго слова... Критики замалчивали мои труды, чтобы облегчить вам (и себѣ) мародерство. В изданіе моих произведеній мы вложили до послѣдняго рубля все, что имѣли. А пользовались моими произведеніями вы, писатели, газеты и журналы. И на вас лежит уже не только нравственный долг по отношенію ко мнѣ, но и денежный. И это я говорю во-первых «извѣстным»: гг. Андрееву, Боборыкину, Горькому, Короленко, Мамину-Сибиряку и проч., «Русским Вѣдомостям», «Новому Времени» и т. д. (нѣкоторым газетным фельетонистам), «Русскому Богатству», «Русской Мысли» и т. д. (кое-кому из беллетристов), а также составителям пьес с надерганным у меня матеріалом, а затѣм говорю и другим (и прозаикам и стихотворцам), из которых иных быть можетъ и не знаю, но которых вы то всѣ знаете и которые сами знают за собой вину, мародерство, многолѣтнее расхищеніе матеріала из моих литературных трудов» (стр. 384).

Положеніе выходитъ довольно своеобразное: вся пресса и отдѣльные писатели привлекаются къ нравственной и матеріальной отвѣтственности за то, что г-жа Монгирдъ,—въ свою очередь безъ всякаго съ ними соглашенія,—издала 10 томовъ своихъ сочиненій, которыхъ публика не покупаетъ. И въ этомъ основномъ положеніи, и въ откровенномъ самовосхваленіи г-жи Монгирдъ есть очень много комическаго, а въ ея нападкахъ много несимпатичнаго. Но, право, рука не подымается для насмѣшекъ при чтеніи нѣкоторыхъ личныхъ признаній г-жи Монгирдъ. Въ ея книгѣ чертами если не художественными, то все же довольно яркими въ качествѣ «человѣческаго документа», изображается цѣлая трагедія «непризнанности». Между прочимъ, въ статьѣ, носящей выразительное заглавіе «Моя каторга», г-жа Монгирдъ описываетъ свои скитанія по Москвѣ для продажи своихъ книгъ. Съ этой цѣлью она мужественно проникала въ частныя квартиры и тутъ, по ея словамъ, «почти съ первыхъ шаговъ обнаружилось дѣйствительно что-то ужасное: вся Москва, оказалось, пишетъ. Вся не вся, это понятно, я смѣюсь, но—о Боже!—какое ужасное множество». Въ этой коротенькой отмѣткѣ г-жи Монгирдъ звучитъ нѣкоторая иронія по адресу этихъ «тоже пишущихъ». А между тѣмъ, сколько между ними людей, быть можетъ, считающихъ и за собой право жало-

*) Вся книга—безъ буквы ъ.

ваться и на критику, и на редакціи, и на «несправедливое равнодушіе» читателей. Да, это трагедія очень распространенная...

Какъ-бы то ни было, мы доводимъ до свѣдѣнія читателей объ апелляціи г-жи Монгирдъ-Роміаса «къ Родинѣ». Для лицъ, которыя-бы пожелали ближе ознакомиться съ этой своеобразной апелляціей, сообщаемъ и адресъ: складъ изданія сочиненій В. А. Карповой-Монгирдъ находится въ Москвѣ, Газетный пер., д. Фальцъ-Фейна, № 35.

О дѣтскихъ книгахъ. Критико-библіографическій указатель. Москва, 1908 г. Стр. XV + 834. Ц. 2 р. Изд. книжн. магазина С. Скирмунта „Трудъ".

Лежащій предъ нами указатель восполняетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ пробѣловъ нашей справочной литературы. Достаточно поверхностнаго знакомства съ этимъ объемистымъ и систематичнымъ трудомъ, потребовавшимъ для удовлетворительнаго исполненія цѣлой арміи самоотверженныхъ работниковъ, чтобы видѣть, что этой книгѣ суждено надолго быть необходимымъ воспитательнымъ пособіемъ въ рукахъ русскихъ родителей. Всякій, причастный книгѣ, знаетъ, какъ часто и съ какой болѣзненной безпомощностью обращаются къ нему съ необдуманными вопросами родители, не могущіе предоставить развитія дѣтей на волю благосклоннаго случая: что читать дѣтямъ? Чѣмъ занять скучающихъ, чѣмъ удовлетворить любознательность пытливыхъ, чѣмъ и когда подѣлиться съ дѣтьми изъ сокровищъ художественной литературы, которая при своемъ возникновеніи имѣла вѣдь въ виду взрослыхъ, а не малолѣтковъ, что выбрать изъ громадной массы дѣтской литературы, которая получитъ свою настоящую цѣнность лишь тогда, когда будетъ извѣстна и доступна нуждающимся въ ней.

Потребность въ указателѣ книгъ для дѣтскаго чтенія была такъ велика, что вызывала даже спекулятивныя попытки удовлетворить ее; это хорошій показатель: вѣрно, есть спросъ, если чуткая коммерція идетъ ему на встрѣчу. Такимъ рыночнымъ изданіемъ былъ указатель Курнина, своевременно отмѣченный нами; не многимъ выше его указатели Королькова и Флерова, которые также ограничились перепечаткой болѣе или менѣе случайныхъ журнальныхъ рецензій о дѣтскихъ книгахъ. Къ перепечаткамъ безъ общаго критерія, безъ объединяющей руководящей мысли и безъ единства въ выполненіи принадлежитъ «Справочная книжка по чтенію дѣтей всѣхъ возрастовъ» М. В. Соболева. Старые указатели—извѣстный «Обзоръ дѣтской литературы» Гаршина, Герда и др., равно какъ «Что читать дѣтямъ (Педагогич. музея военно-учебныхъ заведеній) охватываютъ очень незначительный матеріалъ. Въ первомъ изъ нихъ разсмотрѣно нѣсколько больше, а во второмъ нѣсколько меньше трехсотъ книгъ. Въ новомъ указателѣ изложено, охарактеризовано и одобрено больше двухъ тысячъ дѣтскихъ книгъ и бро-

источниковъ даетъ слѣдующую схему хода дѣлъ: Одинъ изъ вождей демократіи, трибунъ Сервилій Руллъ, предлагаетъ обширный проектъ аграрныхъ и финансовыхъ реформъ, направленныхъ и противъ нобилитета и противъ всадниковъ. Провести этотъ проектъ въ жизнь долженъ демократическій кандидатъ въ консулы, Катилина. Но аристократія торжествуетъ на выборахъ, и ставленникъ ея, консулъ Цицеронъ, производитъ безпощадную расправу съ Катилиной и его сообщниками. Самый разсказъ о заговорѣ Катилины авторъ считаетъ миѳомъ, сочиненнымъ самимъ Цицерономъ для того, чтобы оправдать свою политику. Неудача демократіи знаменуетъ катастрофу республики. Часто говорятъ, что «республика разстроилась отъ отсутствія представительнаго начала, до котораго будто-бы не додумалось греко-римское общество». Авторъ не соглашается съ такимъ взглядомъ. Идея представительства вовсе не была чужда древнему міру, но право представительства есть прежде всего признаніе реальной силы народа, а послѣ расправы, произведенной Суллой въ 80 г., Италія была слишкомъ слаба, чтобы добиться защиты своихъ интересовъ. Вотъ почему республика должна была уступить мѣсто монархіи. Но авторъ не примыкаетъ, однако, къ взгляду Моммсена, что монархія выросла въ Римѣ изъ демократіи. Наоборотъ, монархія была «результатомъ и увѣнчаніемъ феодально-крѣпостного строенія общества», торжествомъ «соціальной іерархіи и политическаго омертвѣнія». Монархія была создана аристократіей, а не демократіей Принципатъ одного выросъ изъ принципата немногихъ. Съ этой точки зрѣнія, авторъ прежде всего старается разрушить Моммсеновское представленіе о Цезарѣ, какъ о творцѣ монархически оргонизованной демократіи. Онъ объясняетъ такое пониманіе фигуры Цезаря у Моммсена исключительно политическими обстоятельствами момента, когда была написана книга Моммсена. Проф. Випперъ въ Цезарѣ видитъ не геніальнаго творца монархіи, а просто талантливаго кондотьера, отличавшагося въ своемъ стремленіи къ власти полнѣйшей безпринципностью. Авторъ какъ будто нарочно старается подчеркивать отрицательныя черты Цезаря: его политическую неустойчивость и нравственную непорядочность, союзъ съ самыми развращенными элементами черни, жалкую роль его по отношенію къ неповинующимся легіонамъ, отсутствіе въ немъ демократическихъ тенденцій и тяготѣніе его къ аристократіи. Въ его стремленіи къ царскому титулу и пышности онъ видитъ старческое слабоуміе. Наоборотъ, Помпей въ изображеніи проф. Виппера выигрываетъ отъ сравненія съ Цезаремъ. Уже при Суллѣ аристократія спасала свое господство путемъ единоличной диктатуры. Послѣ катастрофы республики въ 60-хъ г. въ римскомъ обществѣ начинаетъ развиваться еще большая склонность къ единоличному правленію, къ «монархическому президентству», какъ выражается авторъ. Теоретикомъ новой формы правленія является Цицеронъ въ трактатѣ «De re

publica». Такимъ «монархическимъ президентомъ» и былъ Помпей, правившій въ 50-хъ гг. вмѣстѣ съ сенатомъ и пользовавшійся широкими симпатіями общества. Въ сущности, Помпей, а не Цезарь былъ основателемъ принципата, такъ какъ въ дѣятельности Августа гораздо больше черть сходства съ первымъ, чѣмъ съ послѣднимъ. Анализъ соглашенія Августа съ сенатомъ приводитъ проф. Виппера къ заключенію, что положеніе Августа въ 20-хъ гг. было очень непрочно. Предъ нимъ была альтернатива: или опираться на непослушные и жадные легіоны, какъ это дѣлалъ Цезарь, или вступить въ союзъ съ земельной аристократіей по примѣру Помпея. Онъ выбралъ второе и потому долженъ былъ значительной долей власти подѣлиться съ сенатомъ. Этимъ и объясняется соціальная политика Августа, отличающаяся строго аристократическимъ характеромъ и стремящаяся упрочить соціальное господство земельной аристократіи. Только крупные военные успѣхи первой половины его правленія утверждаютъ его власть, и тогда онъ начинаетъ создавать въ имперіи бюрократію по египетскому образцу и поощрять обожествленіе императорской власти.

Таковы главные выводы интересной и богатой содержаніемъ книги проф. Виппера. Они рѣзко расходятся съ установившимися взглядами на римскую исторію. Авторъ какъ будто задался цѣлью коренным образомъ перевернуть всѣ прежнія представленія о ходѣ событій въ Римѣ II и I вв. до Р. Х. Но стремясь избѣжать односторонности прежнихъ историковъ, онъ невольно впадаетъ въ противоположную крайность. Онъ находитъ только свѣтлыя краски для изображенія демократіи и только черныя для принципата. Стараясь опровергнуть Маммсеновскій взглядъ на принципатъ, онъ совершенно забываетъ о великомъ культурномъ значеніи римской имперіи въ дѣлѣ распространенія цивилизаціи. Многія утвержденія его являются иногда совершенно необоснованными: таковы, напр., предположенія о расцвѣтѣ торговли въ древнемъ Римѣ, о кондотьерствѣ III в. до Р. Х. и т. п.

Но въ то же время книга его обладаетъ выдающимися достоинствами. Одинаково подкупаетъ въ ней и тонкость анализа, и оригинальность выводовъ, и смѣлость построенія, и живой образный языкъ. Особенно удались автору картины экономическаго строя римской жизни—хозяйничанья публикановъ въ провинціяхъ, устройства и организаціи латифундій, городской жизни въ Римѣ. Напрасно только авторъ модернизируетъ античный міръ и называетъ землевладѣльцевъ лендлордами, полководцевъ—фельдмаршалами, toga praetexta—сенаторскимъ мундиромъ, солдатскія сходки—военнымъ парламентаризмомъ и т. д.
